Т.А. Флоренская. Внутренний мир ребенка.

"Внутренний мир ребенка”— эти слова нередко воспринимаются как нечто туманное. А он может оказаться вполне наглядным.

... В старшей группе детского сада дети рисуют на тему "Моя семья”. Тема у всех одна, а рисунки разные. Витя нарисовал сначала маму, потом папу и себя в парке на каруселях: светит солнышко, плывут лодки — веселый, красочный рисунок. Аня так изобразила свою семью: стоит девочка на столе и кричит: "Мама!” А Миша нарисовал телевизор, старательно прорисовал антенну и провода, потом изобразил себя в кресле. "А где же мама с папой?” — "Они на кухне”.
Витю родители любят, к его воспитанию относятся серьезно, ребенок у них на первом месте. У Ани мама — научный работник; она, конечно, любит свою единственную дочку, занимается с ней, но признается, что у нее на первом месте — наука, а у папы — хобби. Мишу дома балуют, все ему позволяют, но на вопрос, кого он любит, — мальчик ответил: "Рыцарский турнир”.
Мир ребенка, как на экране, отражен в его рисунках. Можно увидеть его и в такой игре: найдите детскую книжку, которую вы еще не читали своему ребенку, с картинками, живо изображающими взаимоотношения между детьми, между взрослыми и между взрослыми и детьми, предложите ребенку придумать рассказ к каждой картинке. В результате вы узнаете много интересного о себе, о своем отношении к близким и, главное, к своему ребенку.

В нашем распоряжении были не только иллюстрации детских книг, но и специально подобранные картинки с изображениями ситуаций и настроений неопределенного характера. Вот мальчик сидит за столом, перед ним — скрипка, лицо у него не то задумчивое, не то грустное, не то сонное — кому как увидится. Мы с Мариной Макеевой предложили детям 5—6 лет девять таких картинок с различными сюжетами и просили ребенка придумать рассказ на каждую картинку. Большинство детей охотно приняли игру. По рассказам детей нетрудно было составить представление о том, есть ли мир в семье. Вот рассказы детей о мальчике со скрипкой.
Дима: "Мальчик думает, как на скрипке играть. Ему только дали скрипку, он еще не знает, как на ней играть. Дали в школе учиться на скрипке играть...” Марина: "А почему он один?” — "Ну, это художник так рисует, а на самом деле не один: с папой, с другими ребятами, с учительницей. А у других ребят тоже скрипки, тоже разные инструменты...”

Кеша: "Мальчику надоело, все на него ругаются, потому что, когда ест, он не убирает... Потому что ему не хочется, а хочется, чтобы убирали за ним”.

Лиза: "Грустный... Потому что мама с папой никогда не возвращаются. Они у

бабушки... Потому что бабушка старенькая. А мальчик больной. Вернутся, когда поздно будет”.

В одной и той же картинке ребенок видит свое. И это свое находит он в самых различных картинках: сквозь их восприятие проходит нередко одно и то же настроение, одна тема. Так, у Наташи главная тема — мальчик, который не хочет учить уроки: ему хочется поиграть, а все — и взрослые, и сверстники — укоряют его за то, что он не хочет учиться. Старший брат Наташи учится в третьем классе. По ее рассказам, брату часто достается за плохие отметки, а она его жалеет. По-видимому, эта ситуация глубоко травмирует ее.

В рассказах Володи постоянно повторяется одно настроение: "грустно...”. Других состояний действующих лиц он не воспринимает, да и внешняя ситуация изображения ускользает от его внимания. Складывается впечатление, что мальчик действительно не видит изображенных ситуаций, за исключением тех, о которых можно сказать: "Грустно”. У его родителей очень трудные взаимоотношения, и мальчик вырос в этой обстановке, не ведая мира и радости в семье. У детей из дружных семей рассказы жизнерадостны, в них много сочувствия действующим лицам, рассказы их отличаются развернутостью повествования, верностью психологических характеристик, отсутствием субъективных искажений. Дети из явно неблагополучных семей (чаще всего в связи с алкоголизмом отца) дают невыразительные, односложные рассказы, описывая лишь внешние стороны изображаемого и те переживания, которые ближе им самим: тягостные, грустные, тревожные.

Но наиболее интересны исключения из этого правила. У Веры в семье трудно: отец девочки пьет и в ее присутствии бьет мать. Тогда Вера была на его стороне и говорила: "Бей, бей ее!” (По рассказам матери, раньше она и сама била дочку.) Теперь мать вспоминает о своем отношении к ребенку со слезами раскаяния. Девочка стала ее единственным утешением и помощницей, она заступается за мать и старается ее чем-нибудь порадовать. Положение в семье тяжкое, а рассказы у Веры жизнерадостные, в них все меняется к лучшему. Даже о сердитом мужчине, схватившем кота за шиворот, она сказала: "Сначала был злой, а потом стал хороший”. В ее рассказах много сочувствия, желания помочь. На вопрос, что она больше всего любит делать, шестилетняя девочка ответила убежденно: "Помогать!” У детей из "благополучных”семей, но лишенных настоящей любви родителей, нередки черствость, эгоистичность, равнодушие к людям. А у этой девочки, переживающей немало трудностей и душевных ран, столько чуткости, доброты, веры в людей! Любовь и сострадание к матери питают ее душу, делают ее сильной, способной противостоять жизненным трудностям и преодолевать их. Но это стало возможным лишь после того, как жестокость матери сменилась любовью. Она-то и пробудила в душе девочки силы, способные противостоять окружающей ее грубости и жестокости. Это уже признаки духовной жизни ребенка. Она невозможна без любви.

В психологии есть понятие "дефицит любви”. Наблюдения и исследования

показывают, к каким тяжким последствиям в душевном развитии ребенка приводит этот дефицит.

Вот рассказы детей из детского дома, в котором воспитываются ребятишки, родители которых лишены родительских прав.

У Люды в пяти рассказах выражена только одна тема: "Оставили”. Люди или плачут, или не плачут. У Риты к этому добавляется постоянное чувство обиды. У многих детей сильно выражены чувство тревоги, боязнь темноты, волка, Бабы Яги, страх смерти. У некоторых не по возрасту обострена чувствительность к взаимоотношениям мужчины и женщины, к их конфликтам: "Тут тетя плачет, потому что папа ушел к себе... Потому что он разозлился... Это мама”. "Тут папа и мама. Мама ходит, а дядя стоит. Ругаются... Потому что они злые. Злые!” Вспомним, что подобные же настроения мы видели в рассказах детсадовских детей из трудных семей.

Дети воспринимают мир отношений в узком диапазоне минорных настроений: грусти, обиды, враждебности и страха. Они искаженно воспринимают и реальные отношения между людьми, хотя нередко проявляют большую тонкость чувств и наблюдательность. У детей из детского сада, растущих в хороших семьях, такого искажения восприятия не видно. Можно сделать предположение, что оно является следствием душевных травм, пережитых ребенком.
Болезненный опыт семейных отношений отягощает внутренний мир ребенка, создает постоянное внутреннее напряжение. Восприятие их фокусируется на травмирующих переживаниях (когда у нас что-то болит, мы думаем об этом, а при сильной боли все воспринимается сквозь эту призму). Так восприятие мира становится суженным, односторонним и искаженным.

Мир представляется ребенку сообразно его опыту общения с людьми, близкими ему. Чем труднее и болезненнее этот опыт, тем сильнее печать душевных травм на его впечатлениях. Мир воспринимается тогда как опасный, угрожающий, враждебный.

...На картинке из детской книжки изображен паровоз, за которым бежит мальчик, стараясь догнать его. Несколько детей из детского дома сказали, что паровоз хочет задавить мальчика. В детском саду таких ответов не было.

... На другой картинке солнышко во весь рот смеется над мальчиком, грозящим ему: у ног мальчика осколки. Надя из детского дома сказала: "Солнышко не смеется, оно злится”. А другая девочка придумала рассказ о разбитом солнце.

Душевные травмы закрывают от ребенка свет и красоту мира. Даже радостные события преломляются сквозь призму тяжкого опыта прошлого и не доходят до сердца его.

Научное объяснение этому дал академик А.Ухтомский в уже упоминавшемся ранее понятии "доминанты”. Доминанта — это господствующий в нервной системе или

психике очаг возбуждения, который втягивает в свое русло все внешние воздействия. Он писал: "В порядке самонаблюдения мы можем заметить каждый на себе, что когда эта господствующая направленность есть, обостряется чисто звериная чувствительность и наблюдательность в одну сторону и как бы невосприимчивость к другим сторонам той же среды. В этом смысле доминанта не только физиологическая предпосылка наблюдения”. И далее: "Вместе с тем она — вылавливание из окружающего мира по преимуществу только того, что ее подтверждает... А это уже само по себе и переделка действительности”. Если в душе ребенка преобладают тяжкие впечатления, его доминанта "переделывает действительность”, болезненно искажая ее. Это, по мысли Ухтомского, является предпосылкой эгоцентризма. "доминанты на себе”.

Если ребенку недостает любви, его душа, подобно растению и темноте, чахнет и увядает. Возникают так называемые "психические отклонения”, трудности характера и дефекты личности, вплоть до душевных заболеваний.

Детский эгоцентризм не является врожденным, как полагают многие психологи. Мы видим, что он присущ детям, лишенным любви родителей и пережившим душевные травмы. Это — не норма, изначально присущая человеку, а болезнь, изъян душевного развития.

Эгоцентризм следует отличать от эгоизма. Обычно эгоизм связывают с избалованностью детей. Но дело не только в этом. "Балуя” своих детей, родители, в сущности, недостаточно их любят. Приятно доставить ребенку удовольствие, выполнив его желание или каприз, неприятно наказывать его, проявлять к нему строгость и требовательность. Выходит, что "баловство” детей выражает стремление взрослых к приятным эмоциям и уход от трудностей. Но любовь — это не приятная эмоция. Она предполагает заботу, ответственность, разумность в отношениях с ребенком. Она неотделима от строгости, требовательности и настойчивости в его воспитании. "Балуя” детей, родители, в сущности, не пекутся о душевном и духовном развитии ребенка. Он привыкает к безотказному удовлетворению желаний, и впоследствии для него становится нормой жизни их неограниченное сиюминутное удовлетворение, ребенок не считается со средствами и путями достижения своих желаний, с окружающими его людьми, их нуждами и желаниями. Эгоизм—это укоренившаяся привычка жить прежде всего для себя. Он связан с избалованностью и проявляется в отсутствии любви к людям.

Эгоцентризм, как мы уже говорили, другого происхождения, и психологические характеристики его иные. Он выражается в искаженном и суженном восприятии мира, человеческих отношений и переживаний. Эгоцентричные дети воспринимают мир в узком диапазоне своих отрицательных, болезненных переживаний. Степени эгоцентризма возрастают от простой невосприимчивости к тому, что выходит за рамки болезненных переживаний ребенка, до искажения восприятий по типу "Двойника” — проекции на другого своих собственных состояний. Это не избалованные дети: напротив, они зачастую лишены элементарной заботы и внимания. Причина их душевного состояния в

доминировании отрицательных переживаний, связанных с отношением к ним взрослых.

Мир в семье и внутренний мир ребенка связаны неразрывно. Но верно ли считать, что душевное и духовное развитие ребенка полностью зависит от условий его воспитания. что оно "детерминировано”, как говорят многие психологи и педагоги, условиями окружающей его среды? От ответа на этот вопрос зависит и решение следующего: можно ли сформировать личность человека по заданному образцу, "запрограммировать” развитие личности?
Вспомним Веру, которая выросла в очень трудной семье, но любовь и сострадание к матери пробудили в ее душе силы, способные противостоять "окружающей среде” с ее грубостью и жестокостью. Здесь важно обратить внимание на то, что в душе ребенка скрыты неведомые силы, и они могут быть разбужены. Душа ребенка не простой экран, отражающий внешние воздействия. Становление личности начинается с этого противостояния среде и преодоления трудностей.